МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
МАЙ 1937

№ 5

МУРЗИЛКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ МАЙ 1937 **№ 5**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

Содержание

Пионеры колхоза им. Бобокаланова в Таджикистане. Фото А. Шайхет.

С праздником 1 Мая, ребята!

*Полк красных партизан на параде 1 Мая.
Первый справа—Тихон Лаврентьевич Бондарев*

1 Мая

Из воспоминаний Т. Л. Бондарева

Завтра наш полк стариков-партизан, как всегда, будет участвовать в параде на Красной площади.

А ночью мне не спится. Живут, шумят московские улицы. С грохотом движутся по ним тяжелые орудия, сотрясая мостовую; катятся танки, цокают копыта кавалерии. Это Красная армия готовится к первомайскому параду. Всю ночь гудит город. Я слушаю, и на память мне приходит одна далекая первомайская ночь.

Дело это было давно, кажется, в 1904 году. Работал я тогда в Луганске на паровозостроительном заводе. Было нас, большевиков, на заводе в то время немного, и вели мы революционную работу тайно, подпольно. 1 Мая мы решили провести маевку в балке за городом, а перед этим раздать рабочим революционные листовки. Сделать это было нелегко. Шпики и жандармы следили за нами. Своей типографии у нас не было,—пришлось листовки привезти из другого города и прятать у одного из товарищей на квартире. Но шпики все-таки выследили: ночью к нашему товарищу явилась полиция, и остались мы без товарища и без листовок.

Собрались мы на следующий день у меня в комнатушке и стали думать: как быть? Послезавтра 1 Мая. А листовки наши лежат в полицейском участке.

Оружия у нас в то время не было никакого. Тут один токарь наш и говорит:

— Товарищи, я нашел выход. Есть такой арсенал! Всем хватит! Завтра принесу.

Назавтра снова все собрались у меня. Ждем токаря. Вдруг он вошел и сразу с порога направил на нас огромный револьвер. Мы кинулись к нему:

— Где достал?

Он смеется:

— Осторожно, товарищи, выстрелит! — И бросил револьвер на стол.

Мы смотрим, выточен револьвер из сосны и покрашен масляной краской.

Тут мы все принялись за работу. Стали оружие готовить: револьверы из чурбаков, адские машины из консервных банок. Насыпали в банки песку и проводом их обмотали.

Были мы в то время парни молодые, веселые и не трусы, — решили с этим вооружением добывать наши листовки.

Поздно вечером, в канун 1 Мая, надели мы черные маски и окружили полицейский участок. В комнате сидел околоточный и два городовых. Мы ворвались и с криком: „Руки вверх!“ направили на них наши деревянные револьверы.

Полицейские подняли руки — они перепугались до смерти. А мы отобрали у них настоящие револьверы и наши листовки.

Медлить нельзя было. В любую минуту могли нагрянуть полицейские. Надо было сделать так, чтобы они не могли броситься за нами в погоню. Тут пошли в ход наши адские машины. Мы понаставили их на окнах, на полу у двери. А чтоб нагнать побольше страху на полицейских, опутали проводами ножки столов и стульев. На прощанье мы сказали:

— Имейте в виду — это адские машины. Если шевельнетесь — они взорвутся.

И ушли.

На крик полицейских прибежал пристав и вызвал артиллерийского офицера. Тот приехал, распутал провода, вскрыл банки и сказал:

— Одурачили вас. Это коробки с песком...

Конечно, пристав поднял на ноги всю полицию, чтобы нас изловить, но это им не удалось. Утром 1 Мая у каждого рабочего оказалась листовка. Кто нашел ее у себя на станке, кто в кармане, а кому просто из рук в руки передали товарищи... В тот же день, после работы, рабочие поодиночке пробирались за город, на маевку...

В 1905 году у нас уже было настоящее оружие. На нашем заводе работал машинистом-крановщиком Климент Ефремович Ворошилов. Он был очень молод, но его уже выбрали в луганский партийный комитет большевиков. Комитет и направил его в Финляндию за оружием. Климент Ефремович оружие привез.

Я в те годы уже отслужил в царской армии и стрелял неплохо. Большевистский комитет поручил мне обучить стрельбе нашу боевую дружину.

По праздникам рано поутру мы пробирались за город, в ту самую балку, где устраивались маевки. Лучшего места для стрельбы и придумать нельзя было. Кричи здесь, стреляй — все равно никто не услышит.

Климент Ефремович всегда приходил раньше других. Он спускался на дно оврага, втыкал в землю палку и вешал на нее свой картуз. Подходили и другие дружинники, устраивали себе такие же мишени.

От удачного выстрела картуз, словно от ветра, поворачивался в левую сторону.

— Молодец! — кричали дружинники.— В самую середку всадил!

Климент Ефремович стрелял еще и еще и каждый раз попадал в середину картуза.

— Красным генералом будешь, Климент! — шутили дружинники.

— Какой там генерал! — смеялся Климент Ефремович. — Научиться бы стрелять как следует. Пострелять-то ведь придется.

Так было много лет назад. С боем взяли рабочие власть в октябрьские дни. В жестоких боях с белыми мы, луганцы, под командой Ворошилова защищали Советскую республику. И умели стрелять не только из револьверов, но били по врагу и из тяжелых орудий.

На всех фронтах дрались наши луганские дружинники и при встречах с гордостью говорили „о земляке“, о красном генерале — Клименте Ефремовиче Ворошилове.

... Встает над Москвой первомайское утро. Мы, старики-партизаны, строем проходим мимо трибун, радио разносит по всей стране наше боевое приветствие родному Сталину. И с трибуны мы слышим ответ:

— Да здравствуют красногвардейцы! Да здравствуют красные партизаны!

А Климент Ефремович пристально всматривается в наши ряды, улыбается, машет рукой...

Может быть, в эту минуту он вспоминает наши маевки в Луганске, нашу боевую дружину, учебную стрельбу в глубокой балке, стрельбу по картузам...

Записал *С. Чукаев.*

Апрель 1937 г.

Нарком обороны СССР,
маршал Советского Союза
К. Е. Ворошилов.

РАССКАЗЫ САЛЛИ ДОТСОН

Это рассказы из жизни негритянки-коммунистки, которая живет теперь со своими детьми в СССР.

Записала Н. Кальма
Худ. М. Михаэлис

ДЖЕННИ ПРОДАНА

Дженни гладила белье старой леди и мурлыкала себе под нос песенку.

Она была совершенно черная, с курчавыми волосами, будто у нее на голове шкурка черного каракуля. Только зубы у нее были необыкновенно белые и глаза блестели, как кусочки антрацита.

Работа так и горела у Дженни в руках. Но старая леди терпеть не могла негритянку за смех и песни.

— Черная лентяйка! Лежебока! — слышала поминутно Дженни.

Тогда Дженни сжимала зубы, чтобы не закричать от обиды.

Однажды Дженни старательно, высунув кончик языка, разглаживала батистовую сорочку. Вдруг уголек из утюга попал на тонкую ткань. Дженни с ужасом глядела на прожженную дырочку.

— Мисси, о, мисси, честное слово, я не виновата, — сказала она.

Но хозяйка не поверила.

— Ты нарочно сделала, я знаю твой злобный нрав! — закричала она и набросилась на Дженни.

Негритянка старалась руками прикрыть лицо от ударов.

— Посидишь здесь, так забудешь, как песенки петь! — сказала хозяйка, запирая Дженни в темный чулан.

В чулане было тесно, пахло лекарствами и табачными листьями.

У Дженни горели щеки. Она вытащила из-за пазухи блестящий белый камешек, подаренный ей матерью, и стала шопотом ему молиться:

— Бог, дорогой бог, сделай так, чтоб раскрылись двери чулана, накажи смертью злую хозяйку Дженни, и чтоб сгорел ее дом, и чтоб сгорел весь ее хлопок и весь табак...

Но дверь чулана не открывалась. Бог не слушал Дженни, и негритянка с яростью бросила на пол свой амулет[1] и принялась неистово стучать в дверь:

— Пустите меня! Я не хочу здесь сидеть! Пустите!..

Вдруг что-то пушистое коснулось ее босой ноги. Дженни нагнулась и в темноте нащупала около себя крохотного мохнатого щенка.

Щенок дрожал всем своим худеньким тельцем и сосал палец Дженни. Он хотел есть. Вероятно, его просто забыли в чулане. Накануне старая леди продала мать щенка — рыжую охотничью Лору — соседу-фермеру, щенят велела утопить, и этот щенок уцелел только потому, что спрятался в темный угол.

Дженни ласково гладила щенка. Понемногу он перестал дрожать.

— Теперь я тебя никому не отдам, — зашептала она в длинное шелковистое ухо собаки.

[1] Амулет — предмет, который, по мнению суеверных людей, обладает таинственной силой.

Щенок ткнулся ей в руку влажным носом. В этот момент какие-то голоса послышались Дженни. Кто-то шел к чулану, остановился у двери. Дженни крепче прижала к себе щенка.

Говорила хозяйка и еще кто-то незнакомый.

— А что она умеет делать? — спрашивал резкий голос.

— Все, сэр, решительно все, у этой девушки золотые руки, — убеждала хозяйка.

Дженни не могла понять, о ком это они говорят. Потом они ушли. В доме загремели посудой, в щель проник тоненький лучик света.

„Лампы зажгли. Значит, уже поздний вечер“, подумала Дженни. Она свернулась клубочком на полу и закутала щенка своим платьем. Он уютно посапывал, забыв о голоде. Как назвать его? Дженни перебирала в памяти имена хозяйских собак, но все они ей не нравились.

„Назову его Самба. Это хорошее имя“, подумала она и вслух сказала:

— Сам-ба!

Довольная, она шептала щенку ласковые слова и, скорчившись на полу, заснула.

Проснулась она от звона ключей у двери чулана. Она поспешно запрятала Самбу подмышку и прикрыла его рукавом платья.

— Хозяйка велела тебе итти в город на рынок, — буркнул ей, не глядя, привратник-ирландец.

Она хотела было взять корзину, но хозяйка сердито остановила ее:

— Не надо.

Дженни отправилась в путь, прижав к себе Самбу. Ей хотелось его накормить, но она не смела сделать этого под злыми взглядами хозяйки.

По сторонам тянулись табачные и маисовые поля. Гигантская кукуруза стояла, как войско, вооруженное копьями. Под широкими листьями прятались арбузы и дыни, похожие на огромные черепа; в зелени пламенели колпачки красного перца. Под знойным ветром волнами ходила пшеница. В полях виднелись широкополые шляпы работающих негров. И все это — хлеб, табак, фрукты, черные люди на полях, — все принадлежало старой леди, хозяйке Дженни.

Дженни приближалась уже к маленькому соседнему городку, как вдруг на ее плечо опустилась большая рука.

— Поворачивай за мной! — сказал резкий голос.

Дженни обернулась. За ней стоял чужой белый человек с густой рыжей бородой. Дженни хотела крикнуть, позвать на помощь, но человек схватил ее за руку:

— Не кричать! Твоя хозяйка продала мне тебя. Я заплатил за тебя хорошую цену. Кажется, даже переплатил...

Дженни от страха уронила Самбу, щенок заскулил от боли. Рыжий удивленно поднял брови:

— Это что еще за гадость?

Он грубо пихнул щенка ногой. Маленькое пушистое тельце перевернулось с визгом

И никогда уже больше не видела своих родных маленькая негритянка Дженни. Рыжеусый человек торговал неграми. Он продал девушку богатому фермеру в Нью-Орлеан, а тот перепродал ее плантатору Паркеру. Это случилось на юге Америки, в штате Виргиния, восемьдесят пять лет назад. Невольница Дженни была моей бабушкой.

НЕВОЛЬНИЦА ПАРКЕРА

У Паркера Дженни определили для работы на кухне и в доме. То и дело раздавались крики:

— Дженни, приготовь похлебку рабочим!

— Дженни, принеси дров!

— Дженни, сними с меня сапоги!

И Дженни металась от одного к другому, постоянно опасаясь побоев; у нового хозяина были злые маленькие глазки обвислый лиловый нос, и он так топал ногами, когда сердился, что посуда прыгала на полках.

— Что ты на меня вытаращила глаза?— закричал он на Дженни, зайдя в первый раз на кухню. А Дженни продолжала с удивлением глядеть на хозяина. За поясом у него торчал револьвер, широкий нож был всунут в ножны, а в руках он держал тонкий металлический хлыст.

Дженни очень хотелось засмеяться, но она не посмела.

— Негры и мулы должны работать наравне,— сказал Паркер. Это было его любимое изречение.— Помни, у меня чтоб без баловства, иначе...— и он выразительно погрозил хлыстом.

Дженни хорошо знала, что он хотел сказать.

День и ночь пылал в кухне большой очаг. Негры спрашивали Дженни:

— Что, сегодня опять нам дадут суп из гнилой крупы?

Дженни прикладывала к губам палец:

— Тише, хозяин может услышать.

И негры грозили черными кулаками:

— Ну, погоди, придет и наш час, Паркер!

Один из невольников очень нравился Дженни. Он не боялся громко высказывать свое возмущение. Негры его уважали, а Паркер побаивался и не решался бить этого гордого большого негра. Звали его Джек. Он носил широкие белые брюки, кожа его была темно-коричневого цвета. Дженни вышла замуж за Джека. Но хозяин объявил, что не любит женатых невольников, и скоро продал Джека куда-то на отдаленные плантации.

Несколько дней Дженни была, как безумная. К ней боялись подходить. Она билась, она рыдала и кричала, как раненая. Но Джека ей не вернули. И дочка, которая родилась у Дженни, никогда не знала отца. Дженни назвала дочку Ло. Это был смешной темношоколадный шарик с круглым носом-пуговкой. Дженни очень боялась за свою маленькую Ло и тщательно прятала ее от хозяина. Паркер в это время заставил Дженни, кроме работы на кухне, еще шить на рабочих. Правда, это было несложное дело, потому что весь костюм невольников состоял из холщевой рубахи и бумажных брюк. На ногах негры носили грубые деревянные сандалии, от которых у детей распухали ноги. Дженни мечтала скопить немного денег, чтоб купить Ло кожаные туфельки.

А Ло между тем быстро росла, и ее становилось трудно скрывать от хозяев. Она уже не хотела тихо си-

деть за печкой в кухне и всюду совала свою шоколадную пуговку. И вот однажды Ло попалась на глаза хозяину.

— Откуда эта новость? — буркнул Паркер. — Всюду эти цветные лезут под ноги.

Ему объяснили, что Ло — дочка Дженни.

— Нечего даром есть мой хлеб. Пускай девчонка тоже работает, — приказал хозяин. — Негры и мулы должны работать наравне, — прибавил он свою любимую поговорку.

И тогда четырехлетнюю Ло посадили на низенькую скамеечку в кухне, дали в руки полотенце и велели вытирать посуду. Она была тоже невольницей Паркера и не смела ни играть, ни смеяться.

Маленькая Ло была моя мать.

БЕГСТВО ДЖЕННИ

Бедная Дженни плакала, глядя на Ло, вытирающую тарелки маленькими неумелыми руками. Ей бы так хотелось побаловать дочку, отпустить ее играть в сад, купить ей платье и туфли.

От огорчения Дженни один раз пересолила суп, в другой — не положила соли вовсе. Паркеру это надоело. Он выбежал из-за стола разъяренный, салфетка болталась у него на шее.

— Довольно реветь! — заорал он. — Ты мне своими слезами портишь суп, проклятая плакса! — И замахнулся на Дженни, но маленькая Ло вцепилась ему в руку зубами. Паркер вскрикнул от боли.

— Ах, ты, черная тварь! Ты — кусаться?!.

Он поднял Ло на воздух, как котенка. Но Дженни вырвала у него дочку. У нее тряслись губы, она вся посерела.

— Не смейте бить ребенка, хозяин! Я не дам вам мою дочку. Ло, маленькая, беги!

Она вытолкнула Ло из дома. Раздались крики, что-то упало. Ло, дрожащая, бросилась в сад и спряталась в кусты шелковицы, росшей у изгороди. Листья скрыли маленькую девочку. Так просидела она много часов, с онемевшими ногами, вздрагивая каждый раз, как приходило ей на память перекошенное лицо хозяина.

Было уже темно, когда она решила выйти из своего убежища. Она на цыпочках подошла к открытой двери кухни. Там никого не было, огонь в очаге погас, на столе стояла немытая посуда. На крыльце, съежившись, сидела старая негритянка, тетка Сарра, и тихо всхлипывала.

— Где мама? — спросила Ло.

— Не знаю. Хозяин побил твою маму, а она страшно закричала, выскочила из дома, и теперь ее нигде не могут найти. Хозяин грозится наказать всех нас за то, что она сбежала.

Тетка Сарра опять принялась плакать. Потом взяла Ло за руку:

— Пойдем, моя бедняжка, я тебя уложу спать вместе с моими ребятами. Живи пока у меня, только, смотри, не попадайся хозяину, а то он нас сживет со света.

Хижина тетки Сарры была такая же, как у всех негров на юге Америки: несколько кольев, воткнутых в землю, а поверх них — пальмовые листья, набросанные для защиты от дождя и солнца. Прямо на земле валялись оде-

яла; тут же стояла каменная ступка — молоть маисовые зерна; к потолку были подвешены связки красного перца.

Дети тетки Сарры спали: из-под одеял торчали только черные курчавые головы.

Ло улеглась рядом со старшей девочкой и тотчас же заснула. Она проснулась утром печальная и вяло бродила на задворках усадьбы. Здесь были конюшни, где стояли мулы и лошади хозяина, сараи, где хранились косилки, машины для выжимания сахара, упряжь... В старом амбаре осенью помещался склад табака. Кругом строений росла высокая трава. Ло уселась в тени амбара. Где-то неподалеку надсмотрщик ругал негра. Ло хотелось плакать. Где мама? Почему она не взяла с собой Ло?

Вдруг над самым ухом ее раздался шопот:

— Дочка, я здесь! Не пугайся — это я, твоя мама. Я в амбаре...

Ло вскочила и чуть не закричала от радости, но во-время опомнилась.

— Мамочка! Мама! Как ты сюда попала?

Дженни изнутри отогнула непрочно прибитую доску, и Ло пролезла к ней в амбар. Здесь было прохладно, стояли какие-то повозки, в углу была свалена солома. На этой соломе Дженни устроила себе что-то вроде постели.

Она сутки ничего не ела и теперь чувствовала страшный голод.

— Беги, дочка, к тетке Сарре и попроси у нее чего-нибудь для твоей бедной матери.

Ло стрелой пустилась к тетке Сарре. Старая негритянка заохала, засуетилась, вытащила пару маисовых лепешек и дала их Ло.

— Вот все, что у меня есть. Накорми мать и скажи ей, что все негры возмущены и хотят убить хозяина.

Целую неделю скрывалась Дженни в амбаре, и целую неделю Паркер искал ее по всем окрестностям. Он объявил:

— Я дам двадцать долларов тому, кто укажет, где скрывается эта лентяйка.

Двадцать долларов — это была огромная сумма для бедняков. Но ни один негр, знавший, где скрывается Дженни, не выдал ее хозяину. Ло каждый день носила матери еду и подолгу сидела с ней в ее убежище. Спустя неделю Паркер получил письмо. Он прочел его и злобно выругался. Вот что было в письме:

„Негритянка Дженни вернется к вам, но вы обязуетесь не наказывать ее за побег и больше никогда не бить ни ее, ни ее ребенка. Иначе ваши плантации будут сожжены“.

Паркер бесился, но ничего не мог поделать. Угроза была слишком серьезна. Тогда по всей Америке шли негритянские восстания. Плантаторы начинали бояться своих рабов. Испугался и Паркер. И когда Дженни появилась на кухне, он только свирепо поглядел на нее и крикнул:

— Живо принимайся за дело, черная жаба!

А через несколько месяцев началась гражданская война.

Это была война между Северными и Южными штатами Америки. Победили Северные штаты, и негры получили свободу.

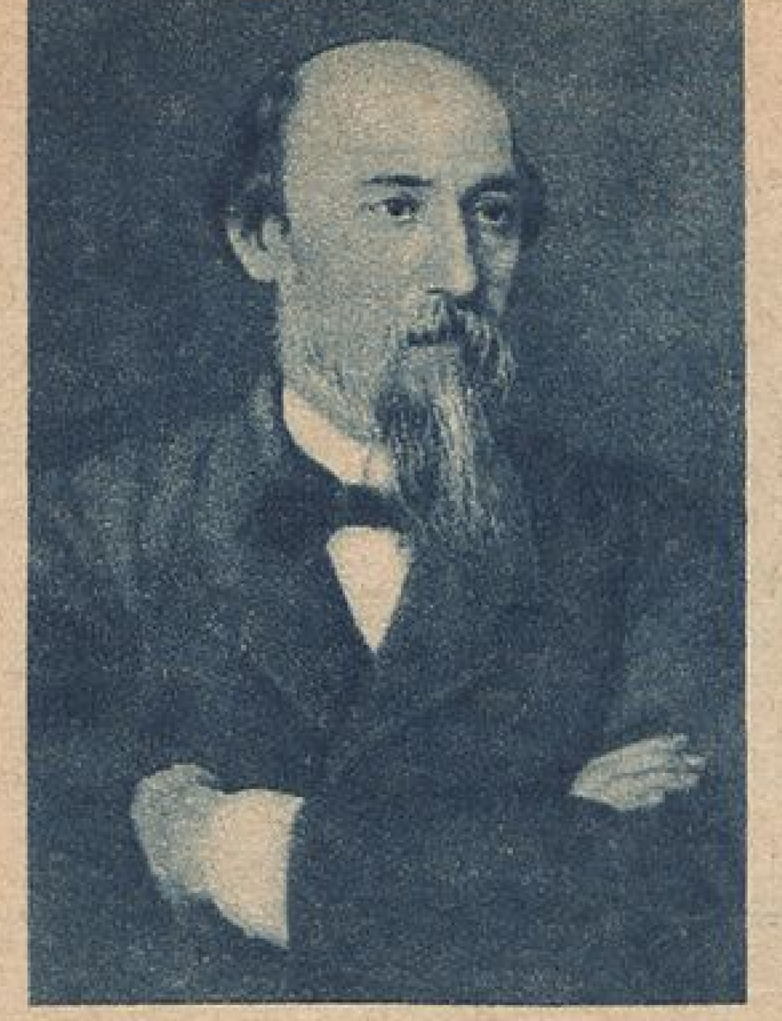
В день объявления свободы Паркера нашли в лесу мертвым.

(Продолжение в следующем номере.)

„Зеленый Шум".
С картины худ. А. Рылова.

Государственная Третьяковская галлерея.

Н. А. Некрасов
Знаменитый русский поэт
Родился в 1821 умер 1878 г.

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА

Зеленый Шум

Отрывок

Идет-гудёт Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Поднимет пыль цветочную,
Как облако; все зелено —
И воздух, и вода!

Идет-гудёт Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса,
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березанька
С зеленою косой!

Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому — весеннему...

Идет-гудёт Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Рисунок худ. В. Бордиченко

Ивасик-Телесик

Сказка Павло Тычина
Перевод с украинского С. Маршака

Что же, если просите,
Так и быть, спою
Песню про Телесика.
И лютую змею.
Жил себе,
Был...

Близко ли, далеко ли,
Нынче иль давно,
Низко ли, высоко ли, —
Это все равно.
Жил себе,
Был...

Ну, ребята, слушайте:
Песня началась.
У отца и матери
Жил себе Ивась.
Жил себе,
Был.

Жили-были дед да баба. И был у них сынок Ивасик-Телесик. Вот подрос Ивасик-Телесик и стал отца и мать просить:

— Сделайте мне золотую лодку, серебряные весла. Буду я рыбу ловить, кормить вас на старости лет.

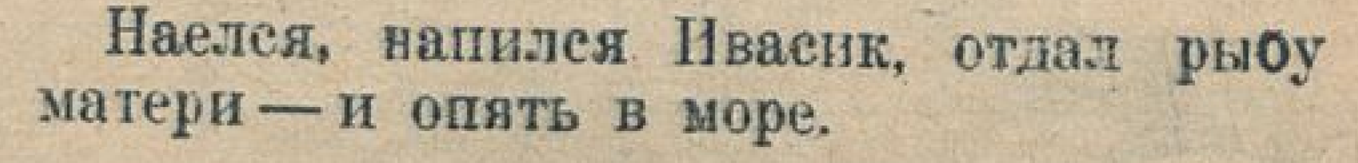
Дали ему лодку,
Дали два весла.
Сел Ивасик в лодку.
Лодка поплыла.
Хлюп себе,
Хлюп...

Серебряные весла,
Золотой челнок.
Ловится, ловится
Рыбка на крючок.
Дерг ее,
Дерг...

Вот мать сварила ему ужин, вышла на берег и зовет:

— Ивасик, Телесик,
Плыви, плыви домой!
Ивасик, Телесик,
Поужинай со мной!

А Телесик отвечает ей:
— Слышу, слышу, матушка,
Милый голосок!
Поверну я лодочку,
Выйду на песок.
Вот я,
Вот!

Наелся, напился Ивасик, отдал рыбу матери — и опять в море.

Серебряные весла,
Золотой челнок.
Ловится, ловится
Рыбка на крючок.
Дерг ее,
Дерг...

А змея лютая подслушала, как мать зовет Телесика, вышла на берег и стала звать Ивасика змеиным голосом:

— Ивасик, Телесик,
Плыви, плыви домой!
Будем с тобой ужинать.

А Ивасик слышит ее и говорит:

— То не голос матушки,
То змеиный свист.
Не вернусь я на берег,
Сгинь и провались!
Сгинь!
Провались!

Видит змея, что не обмануть ей Ивасика. Пошла она в деревню на кузницу и говорит:

— Скуйте мне на кузнице
Новый голосок,
Только самый тоненький,
Точно волосок.
Вот какой,
Вот!

Кузнецы и сковали ей новый голос. Пошла змея на берег и стала звать Ивасика. А Ивасик думает, что это мать его зовет, и отвечает:

— Слышу, слышу, матушка,
Милый голосок!
Поверну я лодочку,
Выйду на песок.
Тут я,
Тут!

А змея хвать его и понесла через горы и леса в свою хату. Принесла Ивасика в хату и говорит своей дочке, змейке Оленушке:

— Затопи, змейка Оленушка, печку да спеки мне Телесика на ужин. А я полечу гостей звать.

Улетела змея в лес, а Ивасик, покуда Оленка печку растопляла, выскочил из хаты, дверь за собой запер и залез на высокий явор. Залез и сидит.

Летит мимо стая гусей. Телесик машет рукой и просит:

— Гуси, гуси, гусенята,
Голосисты и крылаты!
Воротитесь за мной,
Отнесите домой!
Хороша отцова хата —
И просторна и богата.

А гуси ему:

— Мы бы рады воротиться, —
За нами орел!
Мы бы рады спуститься,
Да за нами орел!

Поглядел Ивасик на небо, а там и вправду орел летит.

Сверкнул из темной тучи
Стальной орлиный клюв.
Проплыл орел могучий,
Крылами не махнув.
Раз только,
Раз!

Начал его Ивасик просить, — да разве он услышит! Снял с себя Ивасик рубашку и стал ею махать. Тут орел увидел его и спустил к нему на веревочке корзину.

Взобрался Ивасик-Телесик на орла и очутился в комнатке с окошками. Сидит Ивасик и думает: „Куда же это я попал? Лучше бы меня гуси взяли!“

А орел взвивается,
Вверх летит и вкось,
Пулей пробивает он
Облака насквозь —
Прямо
И вкось.

Испугался Ивасик. И вдруг кто-то взял его на руки и закутал в теплую одежду. Думает Ивасик: „Куда же это я попал?“

А в глазах качается,
А в ушах гремит,
Ветер за окошками
Свежий шумит,
Ветер
Шумит.

Смотрел, смотрел Ивасик в окошко, и заболела у него голова.

Снится ему, чудится —
Кличет его мать.
Говорит Ивасику:
— Полно тебе спать!
Полно
Спать! —
А потом змеиная
Снится ему речь:
— Вот сейчас Ивасика
Посажу я в печь!
Прямо
В печь!

Не вытерпел Ивасик, да как закричит!

— Что ты, Ивасик, кричишь? Скоро мы дома будем.

Ой, держись, Ивасик,
Близится земля!
Вот бегут за окнами
Хаты и поля,
Хаты
И поля.

Где же тут удержишься?
Вот какой толчок!
По земле проехались
И свернули вбок,
По земле проехались —
Скок
Да скок!

Слез тут с орла Ивасик. А кругом народу! В барабаны барабанят, в трубы трубят. Тут же и кони стоят, сено едят, с праздником поздравляют.

Стали тут Ивасика
Люди обнимать.
— Где твои родители,
Твой отец и мать?
Да как тебя
Звать?

Молчит Ивасик, не знает, что ответить. Только смотрит на своего орла и удивляется: отчего это у него не лапы, а колеса, не хвост, а дощечка?

А люди опять:

— Долго ли на яворе
Ты сидел вчера?
Кто твои родители,
Брат твой и сестра?
Да где ж они живут,
Да как тебя зовут?

Молчит Ивасик, робеет. А кругом — народу, народу! В барабаны барабанят, в трубы трубят. А рядом кони стоят, сено едят, с праздником поздравляют.

Тут кликнули одного конька, посадили на него Телесика и поехали.

Улицу за улицей
Пролетали вскачь.
Едут, едут по лесу,
А навстречу — мяч!
Видят — хата белая
Прячется в лесу;
Топчут дети, бегая,
На траве росу.
На траве
Росу!

Увидели ребята Телесика, обступили его со всех сторон.

Тут он осмелел, да как крикнет всем сразу:

— Телесик! Меня зовут Телесик!

У меня есть лодка,
Есть и два весла.
Да меня гадюка
В горы унесла.
От змеи-гадюки
Убежал я в лес.
На высокий явор
Живо я залез.
Вот я
Какой!

Выслушали его ребята и спрашивают:

— Ты говоришь, змея тебя унесла? Может, она с рогами и крыльями была? Нет, таких на свете не бывает!

Сказали это ребята и засмеялись. А тут подошла к ним старшенькая и позвала их в хату, потому что уже стемнело.

Повела она в хату и Телесика. Умыла его, переодела и посадила за стол. Потом сняла со стенки не то трубку, не то дудку и стала сама с собой разговаривать. Говорит и смеется, говорит и смеется.

А под конец и про Телесика что-то сказала.

— Ивасиком, — говорит, — зовут его, Телесиком!

Думает Ивасик: „Куда же это я попал?“

Наелся он напился, встал и перекрестился.

Ребята спрашивают:

— Что это он делает? А ну, еще раз!

А старшая говорит им:

— Что вы удивляетесь? Ведь он неграмотный.

На другое утро, как только проснулся Телесик, стали его грамоте учить.

И теперь он уже лучше нас всех читает...

Вот и вся сказка про Телесика... Жил он Да был...

Близко ли, далеко ли,
Нынче иль давно,
Низко ли, высоко ли, —
Это все равно!
Жил себе,
Был...

Худ. Н. Ушакова.

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Перевела с испанского ***Т. Спендиарова***
Худ. ***А. Давыдова***

Отец воевать ушел
В сады, за старый вокзал.
Он дедушкино ружье
И сумку с собою взял.

Отец улыбнулся нам,
А мать не сдержала слез,
Когда грузовик, пыхтя,
Его по шоссе повез.

Уехало много их
На красном грузовике,
И зарево впереди
Пылало невдалеке.

И долго были видны
Их сжатые кулаки,
И долго были слышны
Отрывистые гудки.

Тянулись за днями дни.
Как вечер — за дверью тьма,
И только где-то вдали
Пылали жарко дома.

Горели стога в полях,
А на бульваре подряд
Столетние тополя
Валили для баррикад.

В тревоге, в дыму, в огне
Шли месяцы, и, наконец,
Настал долгожданный день —
Вернулся домой отец.

На правой руке — ожог,
На лбу — поперечный шрам.
Но, переступив порог,
Отец улыбнулся нам.

И обнял меня тотчас
Так крепко и горячо,
Что, раненное в бою,
Заныло его плечо.

— Расти, вырастай, сынок,
Ты будешь одет и сыт,
И путь для тебя вперед,
В счастливую жизнь, открыт.

ЧТО НАЗЫВАЮТ МУРАВЬИНЫМИ ЯЙЦАМИ?

Ребята обычно говорят, что муравьиными яйцами птиц в клетке кормят. Муравьиные яйца крохотные, меньше булавочной головки. А те, которыми птиц кормят, с ржаное зерно, а то и раза в три-четыре крупнее. Это не яйца, а муравьиные коконы с куколками. Из яйца у муравья вылупливается личинка, беленький червячок. Вырастет личинка, соткет футляр-кокон — и превратится внутри него в куколку. Вот такие коконы с куколками и называют неправильно муравьиными яйцами. Попадется тебе кокон, осторожно разорви его. Внутри увидишь мягкого муравья, то совсем еще белого, то уже пожелтевшего.

ВСЕ ЛИ МУРАВЬИ БЕСКРЫЛЫЕ?

Строят муравейник, кормят личинок, добывают пищу, работают на все лады бескрылые рабочие муравьи. Их в большом муравейнике много тысяч. Яйца кладет матка-самка. У пчел одна матка в улье, две никак не уживаются вместе; у муравьев в большом муравейнике бывает помногу маток, чуть не сотни, и ничего — живут все вместе. Матка покрупнее рабочих. Всего несколько дней она бывает крылатой. Из куколки матка выходит с большими прозрачными крыльями. Видал крылатых муравьев? Это и есть самки-матки и самцы. В теплый день вылетают они все сразу, сотнями, из муравейника. Столбом висят в воздухе. Полетают немного — и в муравейник. Самцы вскоре умирают, а молодые самки спускаются на землю. Здесь они налаживают новые гнезда. И тут-то матка лишается крыльев — отрывает их. Только раз и полетает матка, а потом всю жизнь, несколько лет, сидит в муравейнике.

ЧЕМ НЮХАЕТ МУРАВЕЙ?

Бежит муравей и все время усиками шевелит, все ими трогает. Встретятся два муравья — опять усики в дело пошли: друг друга ими муравьи трогают. Усиками муравей и ощупывает, ими же он и... нюхает. Мы нюхаем носом, а муравьи — усиками. На усиках у них помещаются органы обоняния. Без усиков муравей — все равно как мы без рук и носа сразу.

ли ты

Н. Плавильщиков
Худ. А. Брей

КОГО НАЗЫВАЮТ „МУРАВЬИНЫМИ КОРОВАМИ"?

На многих растениях живут маленькие мягкие тли. Сидят они кучками и сосут сок из растений. И всегда около тлей муравьи бегают. Подбежит муравей к тле, пощекочет ее усиками, а тля из брюшка каплю-другую жидкости выделит. Жидкость сладкая, муравей ее тут же проглотит. Словно доит муравей тлю; вот и прозвали тлей „муравьиными коровами", хоть на коров они совсем не похожи.

ПОМОГАЮТ ЛИ МУРАВЬИ ДРУГ ДРУГУ?

Муравей маленький, а сильный. Один тащит прутик раз в пять, а то и в десять больше и тяжелее себя. Поди подними телеграфный столб. Не поднимешь? А муравей поднял бы и понес, будь он с человека величиной. Нашел муравей гусеницу — добыча. Ухватил ее и тянет, а гусеница ни с места: очень уж тяжела. Тянет муравей гусеницу, а мимо другой муравей бежит. Подбежал, тоже потянул. А там третий, четвертый, пятый муравей... Много муравьев по земле в лесу бегает. „Помогают друг другу", скажешь. Нет, не помогают. Посмотри: один муравей тащит вправо, а другой — влево. Каждый в свою сторону тащит, словно он один тут. Случится, что в одну сторону потащат — передвинут гусеницу. Будут врозь тянуть — час пройдет, а гусеница ни с места. Какая тут помощь! Просто каждый сам для себя старается.

КАК УСТРАИВАЕТ МОЛОДАЯ МАТКА ГНЕЗДО?

Вот опустилась молодая матка на землю. Нашла под листиком небольшую ямку, оторвала себе крылья. Устроила крохотную норку и отложила первые яйца. Вывелись личинки. Матка одна в гнезде, рабочих нет. Как кормить личинок? Итти на охоту? Нет, матка из гнезда не выходит, она, пожалуй, и не умеет охотиться. И вот матка остается в гнезде, рядом с ней несколько крохотных личинок, которых нужно кормить. Матка и кормит их своей слюной и... яйцами. Часть отложенных яиц она тратит на корм личинкам. Проходит день — и личинки превращаются в куколок. Еще немного — из куколок выходят рабочие муравьи. Теперь уж они начинают ухаживать за личинками, охотятся, приносят пищу. Гнездо увеличивается, матка откладывает все больше яиц, и муравейник растет и растет. Яйца на корм личинкам уже не тратятся: рабочие приносят в муравейник достаточно еды.

Товарищ Сталин с детьми командиров Красной армии.

В КРЕМЛЕ

Нам сказали, что мы поедем в Кремль. Я не могу рассказать, как я радовалась в этот день! Прыгала, бегала, пела.

Я пришла в школу, рассказала об этом ребятам. Они были рады и завидовали мне. Но я почему-то волновалась. Наверное, что-нибудь случится! Как бы скорее, скорее поехать?

И вот мы с ребятами едем в Кремль приветствовать совещание жен командиров.

У ворот нас остановил часовой.

„Пропало,— подумала я,—вот не пустит нас, и все пропало".

Мне стало грустно, мне хотелось заплакать. Все равно мы бы его упросили... И вдруг машина тронулась с места, и мы въехали в Кремль. Нас пропустили.

Вот мы разделись и прошли в зал. Я слышу, как сильно-сильно аплодируют, вижу много-много людей... Большие люстры бросают красный, синий, голубой, зеленый свет...

Мы проходим вперед. Но мне казалось, что все это в сказке, что это сон. Я сильно волновалась. Только когда мы подошли к президиуму и когда вышло на трибуну наше правительство и я увидела дорогого друга детей товарища Сталина, я поверила, что это правда. Вдруг в это время я слышу, как Таня говорит, что слово от детей московского гарнизона имеет Валя Шевченко.

Так это же мне дают слово! В руке у меня был большой букет цветов. Я посмотрела на товарища Сталина и пошла к трибуне.

— Мы, дети командиров Красной армии..

Я волновалась, что не сумею сказать, но сказала все же все приветствие.

Все хлопали. После мы пели песни. Поднялись в президиум, и товарищ Сталин пожал нам руки. Его лицо было такое ласковое, веселое... Мы товарищу Сталину принесли цветы.

А товарищ Сталин спросил меня: отличница я или нет. Я ответила: „Да, я отличница".

...Так я побывала в Кремле.

Валя Шевченко,
учен. 2-го класса

Рассказ про голубка

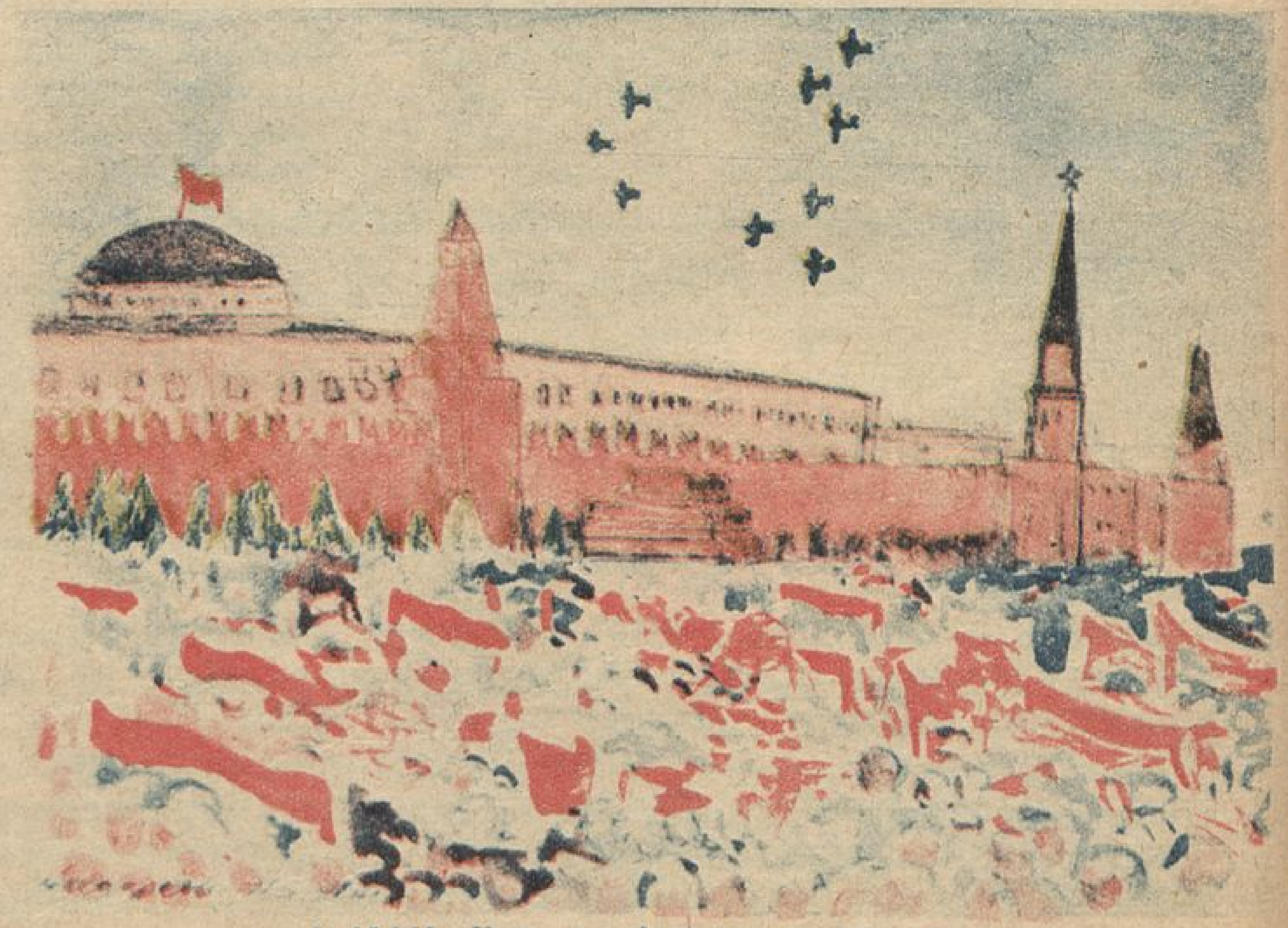
Была зима. Стояли сильные морозы. Я только что встал, как вдруг мой товарищ Леня Бобров вбежал к нам. В руках у него был молодой голубь, которого поймала его мать на крыше сарая. Мы его осмотрели. Оказалось, что у него отморожены лапки. С этих пор он у нас стал жить на большом фикусе. Ел горох, конопляное семя и так привык к нашей семье, что сядет к кому-нибудь на плечи и начнет ворковать. К концу зимы он вырос, лапки у него поправились, и мы выпустили его на волю.

На другой день, к вечеру, мы с сестрой пошли гулять и нашли голубка за сараем, всего в крови и с поврежденным крылом. Наверно, он летел к нам, но около сарая его схватил кот и разодрал ему крыло.

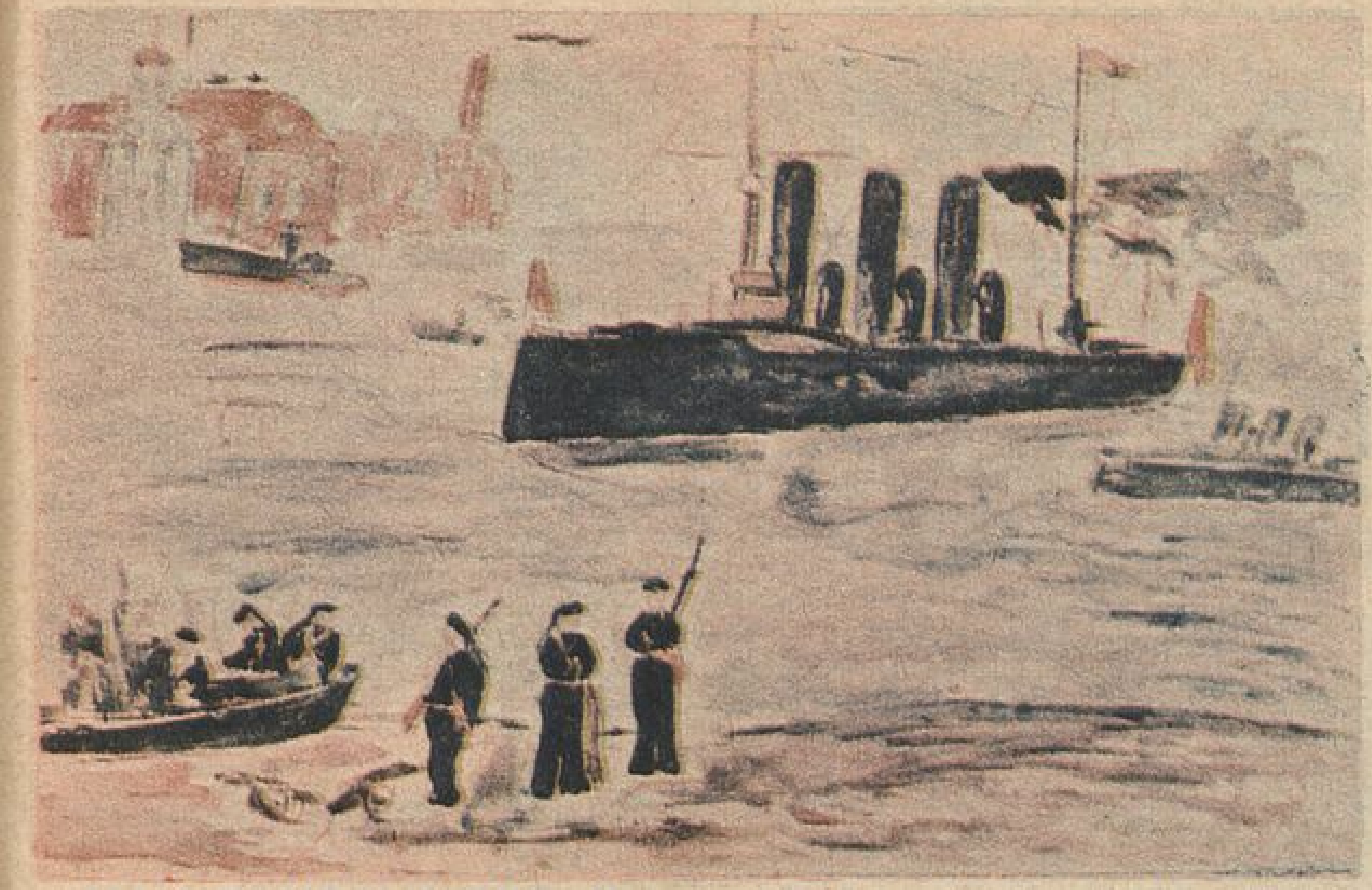
Мы взяли голубка опять к себе. Спустя некоторое время крыло у него зажило. Он с утра стал улетать, но к вечеру всегда возвращался домой и спал на фикусе.

Весной он улетел. Мы скучали без него, но и были рады, что он теперь будеть жить на воле.

К. М.
Москва, 370-я школа.

1 МАЯ. Рисунок Андерсона, 10 лет.

НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Рисунок Коломенского, 10 лет.

* * *

Я хочу быть моряком-
большевиком
И построю пароход-
скороход.
Поплыву по морям,
по волнам.
Всех фашистов
разгоню,
Словно галок,
перебью.

Герман Кестнер, 7 лет.

РАССКАЗ ИСПАНСКОЙ ПИОНЕРКИ

— Мы жили в Мадриде, а когда началась бомбардировка, мама увезла меня и братишек в Аликанте. До гражданской войны у нас в Испании не было пионерских отрядов, теперь они есть. В Аликанте я вступила в пионерский отряд.

Плохо детям сейчас в Испании. Дети не могут учиться. Какое тут ученье, когда то и дело стреляют из пушек, грохочут взрывы, загораются дома! Ребята нервничают, маленькие плачут. Они часто даже и не знают, где их родители.

Как-то мы пошли гулять. Вдруг началась стрельба. Из одного дома стреляли фашисты. Я видела, как падают убитые люди. Но наши скоро выбили фашистов

Очень страшной мне показалась последняя ночь, проведенная в Аликанте. Над городом низко летали фашистские самолеты, сбрасывали бомбы. Какие негодяи эти фашисты! Чтобы показать самолетам, где город, они подожгли автомобиль, а германские и итальянские пароходы возле берега не тушили своих огней. Аликанте красивый город, но фашистские самолеты разрушили много зданий, мостовых, садов. Я видела, как лежат разбросанные взрывами пальмы и убитые люди. Но фашистским самолетам здорово достается от республиканской авиации и артиллерии!

Мой папа — республиканский летчик. Он не раз участвовал в воздушных боях против фашистов. Перед отъездом в Советский Союз мне сказали, что во время боя самолет папы был подбит и упал. Но я уверена, что папа мой жив. Ведь и до этого случалось, что в его самолет попадали, но он доводил машину до аэродрома.

Когда я вырасту, я тоже буду летчицей и обязательно буду коммунисткой.

Мне очень понравилось, как живут дети в Советском Союзе. Здесь дети довольны и веселы, а в Испании из-за фашистов для детей невозможно никакое веселье.

В Советском Союзе, в Артеке мне нравится все, все!

Чарито Бруно—11 лет
Артек

Из газеты „Правда“ от 4 апреля.

НА ГРАНИЦЕ. Рисунок Стаси Давыдко. Ленинград.

Худ. К. Кузнецов

МОНИ

Л. Квитко
Перевод с еврейского Т. Спендиаровой

Мони — это обезьянка.
В клетке с Мони семь подруг.
Разыгрались непоседы,
Сколько тут хвостов и рук!

Крошка Мони — мастер в клетке,
Там возня и суета.
Все болтаются без дела,
Только Мони занята.

Есть у Мони инструменты:
Вилка, дерева кусок...
Поглядите, обезьянка
Чистит вилку о песок.

Вот она хватает камень,
Разбивает им орех.
Поглядите, это Мони
Удается лучше всех!

— Здравствуй! — ей кричит прохожий.
Мони вежливо встает
И мозолистую ручку
Сквозь решетку подает.

Чиркнул спичкою прохожий,
Синий выдохнул дымок
И горящей папиросой
Ручку черную прижег.

Ах, как Мони закричала,
Сжала ручку в кулачок!
Ах, какой она по клетке
Дикий сделала скачок!

Где растут такие люди?
Кто здоровается так?
Отпечатался на ручке
Воспаленный круглый знак.

Мони смотрит долгим взглядом,
Молча смотрит из угла.
Кто, какая обезьянка
Поступить бы так могла?

И теперь ее к решетке
Не заманишь нипочем.
Целый день она в работе:
Чистит вилку кирпичом.

ЗАГАДКИ, ИГРЫ, ФОКУСЫ

ЗАДАЧА

М. Гершензон

В живом уголке—
Четыре садка.
В первой квартире—
Четыре жука.

Ползают, роются
В желтом песке,
А рядом с жуками,
В соседнем садке,
Сети раскинули
Три паука,
Три замечательных
Крестовика.

В третьей квартире
Живет старичок—
Маленький, черный,
Пугливый сверчок.

В четвертой квартире—
Одиннадцать ос.
Ну-ка, товарищ,
Ответь на вопрос:
Если придешь к нам
В живой уголок,
Если заглянешь ты
В каждый садок,
Сколько всего
Насчитаешь ты ног?

Стакан и монетка

Фокус

Смажь клеем край стакана и поставь стакан донышком кверху на чистый лист бумаги. Когда клей просохнет, осторожно обрежь лишнюю бумагу.

Если поставишь теперь стакан донышком кверху на белую скатерть, никто не заметит, что стакан закрыт бумажной крышечкой. Теперь с этим стаканом можно сделать хороший фокус. Только нужно еще склеить бумажный колпачок, чтобы можно было накрывать им стакан. Можно просто „фунтик" свернуть из бумаги. Ты кладешь на скатерть гривенник. Рядом с гривенником стоит твой стакан, накрытый бумажным колпачком. Ты снимаешь колпачок, показываешь зрителям стакан, не поднимая его со скатерти.

— Стакан простой, — говоришь ты, — и колпачок простой. А монетка сейчас исчезнет.

Ты накрываешь снова стакан колпачком и вместе с колпачком ставишь его на монетку. Потом снимаешь колпачок — монетки нет, как не бывало!

Снова накрываешь колпачком стакан и убираешь в сторону стакан с колпачком вместе. Монетка снова на месте!

Загадки

ВСТАНЕТ — ВЫШЕ ЛОШАДИ,
ЛЯЖЕТ — НИЖЕ КОШКИ.

БЕЗ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЕСТЬ, НО ЧТО НЕЛЬЗЯ СЪЕСТЬ?

МЕНЯ ВСЕ ЖДУТ, А ПОКАЖУСЬ— ВСЕ СПРЯЧУТСЯ. КТО Я?

В ВОДЕ РОДИЛАСЬ, В ОГНЕ ВЫРОСЛА, А УВИЖУ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ—УМРУ. КТО Я?

У ЧЕГО НЕЛЬЗЯ НАЙТИ НИ КОНЦА, НИ НАЧАЛА?

ГОЛОВОЛОМКА

Сложи одиннадцать спичек так, чтобы получилось животное; прибавь еще пять спичек — и получится наша река.

Лягушка-путешественница

Почему лягушка упала не на дорогу, в пруд?

Ответ:

Утки летели очень быстро, а с ними вместе быстро неслась лягушка; поэтому, когда лягушка выпустила изо рта прутик, она некоторое время с разгона продолжала лететь вперед (по инерции). Точно так же парашютист, спрыгнув с самолета, не сразу начинает падать отвесно, а некоторое расстояние пролетает в том направлении, в каком летел самолет.

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ,

помещенные в журнале № 3

ЧТО ЭТО ЗА ПТИЦА?
Ответ — *сорока.*

ЧТО ТУТ НАПИСАНО?
Ответ — *стол.*

Отгадка: вот как бежала мышка.

Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.
Сдано в набор 1/IV 1937 г. Подписано к печ. 16/IV 1937 г. Объем 3,5 печ. л. Ст.-форм. 62×94⅛ л. Детиздат № 1297.
Уполном. Главлита Б-13688. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Заказ № 1015. Тираж 200 000.

Цена 50 коп.

Загадочные картинки

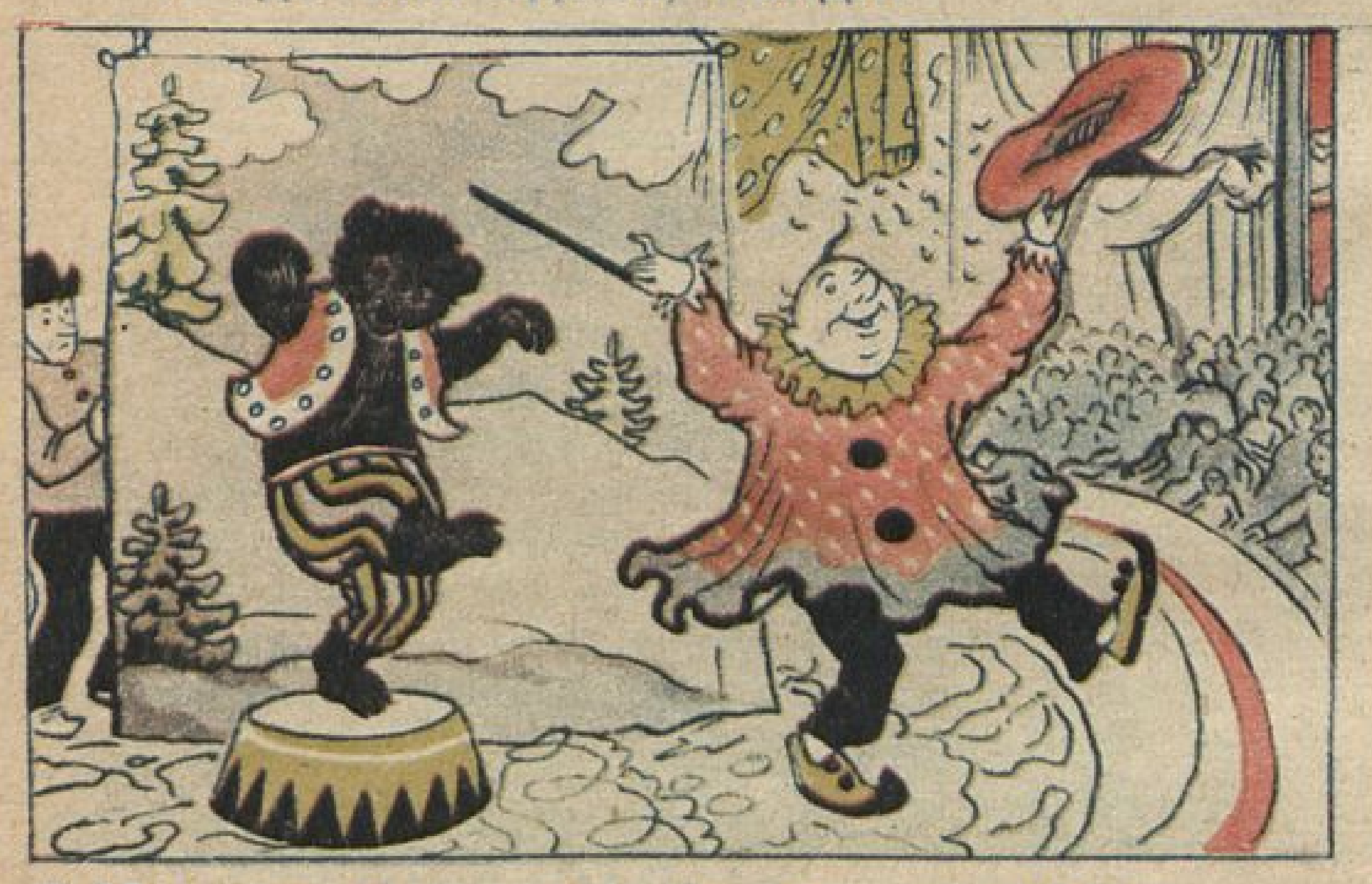
Л. Смехов.

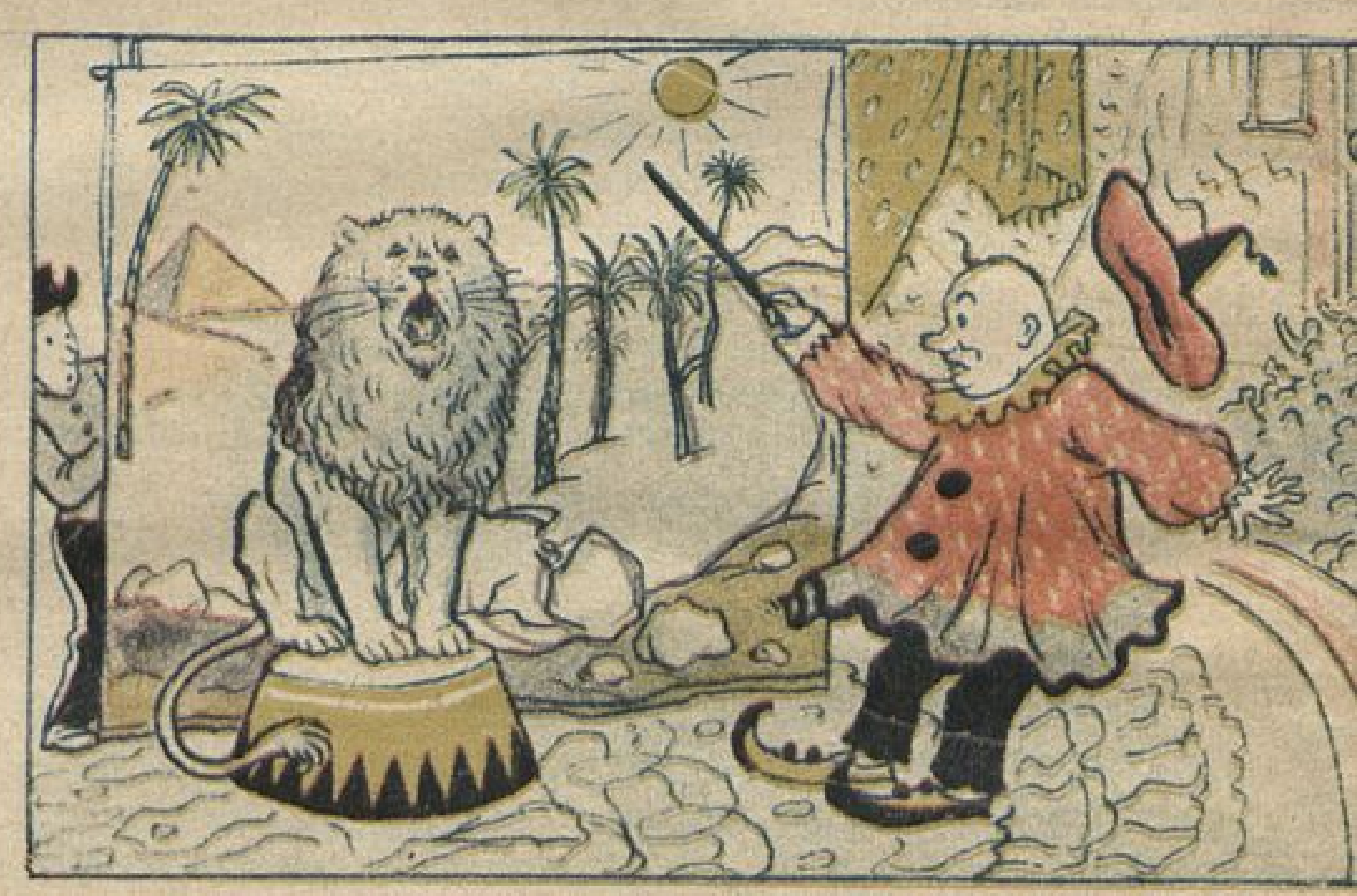
1. Внимание! Раз, два, три... Я взмахну палочкой — и будет уже не собачка, а свинка!
   А где она здесь, найди!

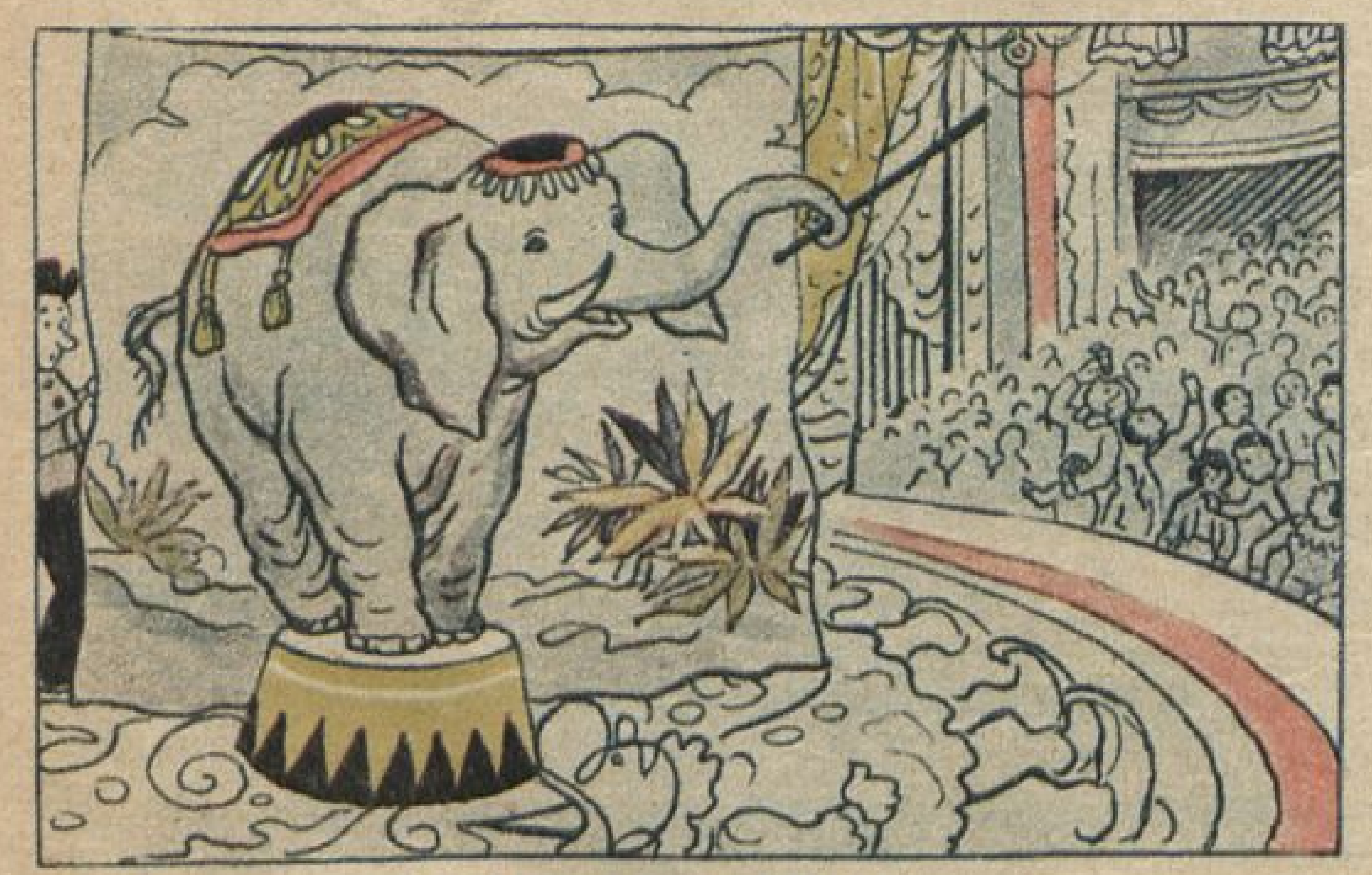
2. А сейчас моя палочка свинку превратит в медведя Мишку.
   Где же Мишка притаился?

3 Мишка танцует и вовсе не догадывается, что тут, рядом, страшный зверь.
   Где он?

4. А вот и он. Ух, какой страшный! Взмахну палочкой — и его сменит старый приятель. Он тут же, рядом.
   Найди его!

5. Вот какой большой слон!
   А куда же пропал клоун?

6. Вот мы все!!!